

к этому принуждают» [3, с. 40]. Однако именно благодаря его настойчивости удалось добиться в целом благоприятного для Германии результата. В целом конвенция предоставляла немецкому населению довольно широкие полномочия, но и она не стала панацеей от национальных противоречий между немцами и поляками [2, с. 38].

Практическая передача Польше части Верхней Силезии произошла в июне 1922 г. Формально верхнесилезский вопрос был решен. Однако это незначительно ослабило напряженность в отношениях двух стран. Верхняя Силезия оставалась в немецком общественном сознании вещественным доказательством польско-французского заговора против Германии.

После плебисцита и раздела Верхней Силезии по решению Совета Лиги Наций в июне 1922 г. резко активизировались процессы переселения и миграции как с немецкой, так и с польской частей. Из Великой Польши тысячами эмигрировали чиновники, судьи, учителя, предприниматели, а с польской части Верхней Силезии – сотни техников и инженеров. В 1921-1924 гг. из Верхней Силезии, по оценкам З. Урбаньского эмигрировало 100 тыс. человек. Однако немецкое национальное меньшинство по-прежнему удерживало экономические позиции и оказывало огромное влияние на политическую жизнь Польши, о чем красноречиво свидетельствовали выборы в силезский сейм, а также в польский сейм и сенат.

Раздел Верхней Силезии между Германией и Польшей не удовлетворил обе стороны. Затаенная обида немцев на поляков и союзников прорвалась наружу 1 сентября 1939 г., когда фашистские войска напали на Польшу. Окончательно решение верхнесилезский вопрос получил лишь после ее окончания. Решением Потсдамской конференции 1945 г. была определена граница между Польшей и Германией по рекам Одере-Нейсе и, соответственно, большая часть Силезии вошла в состав Польши, а все немецкое население провинции было депортировано в Германию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Германская история в новое и новейшее время / С. Д. Сказкин [и др.]. – М. : Наука, 1970. – Т. 2. – 606 с.
2. Борисова, А. А. Правовое положение немцев в Польше после окончания Первой мировой войны / А. А. Борисова // Актуальные проблемы развития общества, экономики и права : сб. науч. ст. молодых преподавателей и аспирантов. – М. : НОУ ВПО «МУ им. С.Ю. Витте», 2012. – С. 35-41.
3. Климовский, Д. С. Германский империализм – злейший враг Польши : из истории германского реваншизма после Версаля / Д. С. Климовский – Минск : Изд-во мин-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963. – 72 с.
4. Chronik der Deutschen. – München : Chronik Verlag, 1995. – 2320 S.
5. Deutsche Allgemeine Zeitung. – 25. Mai 1921. – № 237.
6. Deutsch-polnisches Abkommen über Oberschlesien vom 15. Mai 1922. – Berlin, 1922. – 261 S.
7. Die Gebietsverluste in Oberschlesien vor dem Reichstag 26. Oktober 1921. Rede des Reichskanzlers Dr. Wirth // Verhandlungen des Reichstags. – Bd. IV. – S. 66-68.
8. Krueger, P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar / P. Krueger. – Darmstadt : Wiss. Buchgesellschaft, 1993. – 605 S.
9. Laubach, E. Die Politik der Kabinette Wirth 1921/1922 / E. Laubach. – Lubeck-Hamburg : Matthiesen-Verlag, 1968. – 344 S.
10. Schulze, H. Weimar : Deutschland 1917-1933 / H. Schulze – Berlin : Siedler Verlag, 1982. – 462 S.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И АДАПТАЦИИ РОССИЯНОК В «РУССКОМ БЕРЛИНЕ» 1920-Х ГОДОВ: МЕЖДУ БЫТОМ И ТВОРЧЕСТВОМ

Чуракова О.В. (г. Архангельск, Россия)

Проблема успешной адаптации вынужденных эмигрантов (беженцев) к условиям страны-реципиента представляется весьма актуальной в начале XXI века. Смена места жительства всегда сопровождается корреляцией ролевого поведения, национальных, этнических, личностных автостереотипов. Для изучения подобных явлений плодотворно обращение к опыту прошлого, например, к одной из страниц судьбы российской эмиграции – казусу «Русского Берлина». В историографической и литературной традициях данное понятие обозначается без кавычек, как устоявшееся словосочетание.

Усиленная колонизация эмигрантами из России определенных районов (не самых бедных!) и пригородов Берлина началась сразу после окончания Первой мировой войны, но особенно усилилась в период изгнания из страны Советов инакомыслящих в начале 1920-х годов. Один из эмигрантов, художник Симон Сегаль отмечал: *«Вот уж подлинно – мирное завоевание! А немцы – ничего, привыкли. И даже Шарлоттенбург шутливо переименовали в Шарлоттенград»*. По образному выражению Николая Набокова, двоюродного брата известного писателя, в начале 1920-х *«весь Берлин был залит русским борщом»*[11]. Поэт Владислав Ходасевич иронично называл столицу Германии «мачехой российских городов».

По поводу мотиваций приезда именно в этот город огромного числа славянских беженцев есть различные мнения, как и разнятся между собой описания условий их обитания в Берлине. С одной стороны, экономические условия жизни для тех, кто приезжал сюда с иностранной валютой (например, долларами), были лучше, нежели в других городах Европы, так как немецкая марка падала в цене. Поэтому мифы о «почти нищенском существова-

нии» всех выходцев из России были, по их же словам, «несколько преувеличены» [8]. Картинки того, как «триста тысяч русских разных национальностей бродят в трещинах гибнущего города» авторами популярных публикаций берутся из описаний Берлина ре-эмигрантами, например, из текстов Виктора Шкловского [7].

С другой стороны, как и повсеместно в зарубежном Русском мире, психологический процесс вживания в новую социокультурную среду в Берлине проходил весьма сложно, с ощущениями чужеродности и временно-сти пребывания. «Жестокая жизнь вне родины, всегда везде чужие» (Т. Франк) [14, с. 332]. Один из сотрудников Комитета по расселению беженцев в Стамбуле (Константинополе – в русском варианте) определил беженство как «медленную духовную, моральную и нравственную смерть» [3, с.109].

Кроме того, у каждой из социальных страт эмигрантов в Берлине были свои слабые и сильные стороны. У аристократов первой волны были, финансовые ресурсы, знание языков, опыт жизни за границей, но не было трудовых навыков. Эмигранты «среднего класса» были готовы братья за любую работу, но мешал «языковой барьер». У изгнанников – «мыслителей» был интеллектуальный потенциал, позволяющий рассчитывать на получение адекватной работы в научных кругах. Однако, большинству из них пришлось пережить определенные стадии адаптации (исследователи используют также концепты «аккультурация», «интеграция», «ассимиляция», «натурализация», «денационализация») к новой социокультурной среде в ускоренном режиме, что порождало стрессовые ситуации.

Ещё тяжелее, нежели неустроенность и лишения («голодать русские писатели привыкли» (Е. Замятин) [6]), российская творческая интеллигенция переносила социальную невостребованность, невозможность служить родной стране. По мнению философа Николая Арсеньева, «смысл существования русской эмиграции... в её служении... Эмиграция – ... это одна сотая русского народа, она – свободна ... и должна продолжать его духовную традицию» [1, с. 170].

Эмигрантам 1920-х годов в Берлине удалось развернуть религиозно-философскую, научную, педагогическую, творческую деятельность. Смогли найти себя в «новой жизни» и женщины, чьи имена вписаны в историю русского зарубежья лишь отчасти, несмотря на то, что именно они являлись в Русском мире главными хранительницами национальной идентичности» [3]. Флагман российской феминологии Н.Л. Пушкарева выделяет четыре вида российской эмиграции: политическая, экономическая, религиозная и «отъезд деятелей культуры» [10, с. 18]. В свою очередь, женскую составляющую последнего потока (интеллектуальной эмиграции) можно разделить на подвиды в соответствии с коммуникативными практиками адаптации и выживания в новой среде. Это могли быть пути политической, общественной (религиозной, благотворительной и др.), научной, творческой самостоятельной деятельности или помощь в этих сферах мужьям, либо – просто забота о семье и доме.

Путь политической активности избрала, например, Екатерина Дмитриевна Кускова, видная деятельница революционного, либерального, кооперативного и масонского движений в России, одна из организаторов Помгола. Общественный Всероссийский комитет помощи голодающим выполнил свою задачу в 1921 году, однако, активисты ВКПГ были высланы из страны. «Крестная мать» Помгола в Берлине продолжила заниматься общественной деятельностью. Кускова была избрана председателем Берлинского комитета помощи заключённым и ссыльным в России (Политического Красного Креста). Показательно, что Е.Д. Кускова («Письма из Берлина») выступала против вооруженной борьбы с большевиками, предупреждая от развязывания новой гражданской войны.

Еще одна «спасительная» стратегия, которая была доступна очень небольшому кругу эмигранток – это занятие наукой. Берлин не стал таким же научным центром для российских ученых женщин, как некоторые города США. Тем не менее, деятельность женщин – ученых здесь вполне могла быть реализована. Это важный фактор самосохранения, так как для людей умственного труда зачастую приоритетнее духовная составляющая, нежели вопросы быта. Это подтверждают выводы исследователей русского зарубежья: «важнее духовная почва, которая и питает каждого эмигранта – подданного идеи: насыщенная почва культуры российской» [4, с. 154].

Сродни научной стезе было для эмигранток творчество художественное: театральное, балетное, занятие искусством и литературой. Оно выполняло двойные функции: было способом самореализации и выживания. Самыми продуктивными из видов творчества в Русском Берлине, были, вне сомнения, литературная, переводческая и журналистская сферы деятельности. Этому способствовал издательский бум: в начале 1920-х годов в Германии существовало 87 издательств, из них 48 – в Берлине [2]. «Нас печатали, надо было только не лениться, работать», – вспоминала Нина Берберова [8]. Она получила здесь свой первый гонорар, а Марина Цветаева опубликовала первую поэму – сказку «Царь-девица». Так, русские издательства в Берлине дали «зеленый свет» многим начинающим поэтессам и писательницам. Зинаида Гиппиус писала, что «чаша русской литературы из России выброшена, и все, что было в ней, брызгами разметалось по Европе...» [12, с. 30]. Немалая часть этих «брызг» достигла и Берлина.

Многие российские жительницы столицы Германии не только сами занимались литературной и журналистской деятельностью, но и помогали публиковаться мужьям. Соратницы опальной российской творческой интеллигенции выполняли двойные функции: Муз – вдохновительниц их творчества и хранительниц семейного очага. Вместе с мужьями они занимались искусствоведением, философией историей, делали им переводы, продвигали на рынке продукты их творчества. Таким образом, супружество становилось важным фактором социальной адаптации. Как правило, именно жены эмигрантов организовывали новое жизненное пространство: получали документы в период изменения паспортно-визовых режимов в 1920-е и 1930-е гг. в Германии, искали работу и съемные квартиры, занимались обустройством семейного быта.

Кроме того, жизнь в союзе с родным по духу человеком помогала эмигрантам преодолевать кризис эт-

нической и национальной идентичности. По мнению Б. Поплавского, в изгнании «значение любимого существа сразу же удесятяряется и отношения переносятся в религиозный план» [9, с. 205]. Были соратницами мужей Т. С. Франк, Л. Н. Карсавина, Н. Н. Вокач (жена И. Ильина), Н. Н. Никольская (супруга Ф. Степуна), Л. Ю. Бердяева и др. «Вопрос обо мне я решила, я иду с ним, куда бы то ни было», – писала Татьяна Сергеевна Франк, жена философа Семена Франка [13, с.215-216].

Явление Русского Берлина было весьма непродолжительно. В конце 1923 г. из Берлина начался исход русской интеллигенции. Н. Берберова вспоминала: «Мы не остались в Берлине, где нам жить было нечем... В магазинах уже не было ни хлеба, ни мяса, жизнь стала невыносимой...» [8]. Вне сомнения, сказалась и эскалация ксенофобии немцев в период экономического кризиса. В 1923-1924 гг. большое количество российских эмигрантов покинуло Берлин. После прихода к власти нацистов из страны уехали евреи, составлявшие значительную часть российской колонии немецкой столицы (диаспору Русского Берлина в современной историографии часто называют «русско-еврейской»). Женщинам вновь предстояло наладить быт и культурные коммуникации на новом месте, не только не потеряв национальную идентичность, но и воспитав в ее духе новое поколение. Стоит согласиться с мнением специалистов по истории женской эмиграции 1917–1939 гг., что это «явление не только социально-политическое, но и культурное. Массив духовных и научных ценностей, оставленный потомкам лучшими представительницами русского зарубежья ..., позволяет ... с полным правом отнести их к явлениям мировой культуры» [3, с. 108].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути / Н.С. Арсеньев. – СПб.: Вестник, 2013. – 453 с.
2. Баркова О.Н. Печатное слово в эмиграции и женщины русского Зарубежья «Первой послереволюционной волны» 1917-1939 гг. // История отечественных СМИ. – 2012. – № 1. – С. 148-161.
3. Баркова О.Н. Женщины русского зарубежья (1917-1939 гг.): сохранение национально-культурной идентичности // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. 7– 2012. – № 5. –С.108-126
4. Баркова О Н «Они не могли уйти только в одну науку...»: женщины – ученые русского зарубежья 1917–1939 годов// Клио. – 2016. – № 12(120). – С.153-162.
5. Демидова О.Р. Аксиология эмигрантской повседневности: женский взгляд // История повседневности. 2018. – № 1 (6). – С. 105– 118.
6. Замятин Е. Я боюсь / Е. Замятин. Сочинения. – М.: Книга, 1988. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1921_ya_bous.shtml– Дата доступа: 12.01.2014
7. Как жили русские эмигранты в Берлине //ДИЛЕТАНТ. – 26 апреля 2017. – Режим доступа: <https://weekend.rambler.ru/read/38906909-kak-zhili-russkie-emigranty-v-berline/> – Дата доступа: 14.07.2019.
8. Медведев Феликс «Мой успех в Москве – это чудо». Провожая Нину Берберову в Америку // Электронная библиотека Александра Белусенко. – Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/Berberova/berberova_interview_2.htm– Дата доступа: 11.07.2019.
9. Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. – 1934. – кн.10. – С. 200-205.
10. Пушкарева Н.Л. Пути формирования русской диаспоры // Этнографическое обозрение. –1992. – № 6. – С. 13–22.
11. Рахманова А. Берлин – «мачеха русских городов» // Моя библиотека. – Том 3: – Режим доступа: <https://mybiblioteka.su/tom3/2-65765.html>– Дата доступа: 04.07.2019.
12. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А.Г. Соколов. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 180 с.
13. Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 588 с.
14. Франк Т.С. Наша любовь // С.Л. Франк. Саратовский текст. –Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – 283 с.

ГЕРМАНСКИЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ (ФАШИЗМ): ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

В.А. Космач (г. Витебск, Беларусь)

Видный советский историк-германист, авторитетный специалист по истории германского фашизма **А.А. Галкин** в своей работе «Социология неофашизма», изданной в Москве в 1971 г. в свое время подчеркивал, что «даже обе “классические” формы фашизма заметно отличались друг от друга. Степень поглощения гражданского общества фашистским государством в Германии была значительно выше, чем в Италии. Существенно большей, чем в Италии, была концентрация власти. Фашистский террор в “третьей империи” был более массовым и жестоким. В идеологии итальянского фашизма расовые теории занимали гораздо меньшее место, чем у национал-социалистов. Соответственно по-иному использовалась расовая политика»¹.

В своей книге «Германский фашизм» **А.А. Галкин** отмечал, что «действительно, как предварительное, так и более глубокое ознакомление с идеологией национал-социализма создает ощущение беспрецедентного эклектизма. Аристократизм и «народность», национализм и идея наднациональной общности фашистов, антика-

¹ Галкин А.А. Социология неофашизма. М, 1971. С. 65.